

DOI: 10.31862/0130-3414-2020-4-33-42

А.Н. СеменовОбско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
628011 г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация

Аксиология мечты в обско-угорской литературе

Аннотация. Статья посвящена анализу своеобразия обско-угорской литературы в аксиологическом аспекте. Подобный подход позволяет сделать обоснованные выводы об особенностях мирозерцания северных народов. Достижению такого результата способствует обращение к анализу как отдельно взятого художественного произведения, так и корпуса художественных текстов. Цель статьи заключается в выявлении своеобразного понимания мечты народами ханты и манси, их отношения к ценностям окружающего мира, отраженных в произведениях художественной литературы. Основное содержание статьи обращено к анализу бытования мечты в литературном творчестве обско-угорских народов в ее аксиологическом аспекте, к возможностям показать многообразие присутствия, проявления мечты в художественном сознании народов ханты и манси, выяснить вопрос о том, какую роль играет мечта в их представлениях о прошлом, настоящем и будущем, о смысле жизни. Автор статьи обращается к возможностям семантического анализа, стремясь выявить характер и роль такого знака как мечта в конкретном художественном тексте. Обращение к текстам обско-угорской литературы, которые можно определить как репрезентативные, свидетельствует о том, что мечта присутствует в художественном сознании северных народов в самых разнообразных проявлениях: от мифологических представлений и героев до бытовых, связанных с потребностями реальной жизни, дел и стремлений, и это характерно как для эпоса, так и для лирики. Выводы, которые позволяет сделать проведенный анализ, свидетельствуют о том, что мечта как одно из проявлений индивидуального и коллективного мирозерцания у народов ханты и манси есть свидетельство доверия этих народов метафоре, склонности к метафорическому мышлению, что, в свою очередь, является показателем значительного потенциала, богатства эстетического, художественного сознания этих народов.

Ключевые слова: мечта, аксиологический аспект, ценность, обско-угорская литература, духовный аспект, художественное сознание, мифологическое сознание, метафора

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Семенов А.Н. Аксиология мечты в обско-угорской литературе // Литература в школе. 2020. № 4. С. 33–42. DOI: 10.31862/0130-3414-2020-4-33-42

DOI: 10.31862/0130-3414-2020-4-33-42

A.N. SemenovOb-Ugric Institute for Applied Research and Projects,
Khanty-Mansiysk, 628011, Russian Federation

Axiology of dreams in Ob-Ugric literature

Abstract. The article analyzes the peculiarity of the Ob-Ugric literature in the axiological aspect. This approach allows us to draw reasonable conclusions about the peculiarities of the worldview of the Northern peoples. It is possible to achieve this result by an appeal to the analysis of both – a single artistic work and a corpus of feature texts. The purpose of the article is to identify the uniqueness of the comprehension of the world by the peoples of Khanty and Mansi, their attitude to the values of the surrounding world, those, reflected in works of fiction. The essence of the article focuses on analyzing the existence of dreams in literature of the Ob-Ugric peoples in its axiological aspect, on showing the diversity of the presence and manifestations of dreams in the artistic consciousness of the peoples of Khanty and Mansi, on clarifying the question about the role of dream in their beliefs about past, present and future, about the meaning of life. The author of the article refers to the semantic analysis potential, seeking to identify the nature and role of such a sign as a dream in a specific artistic text. The reference to the texts of the Ob-Ugric literature, which can be defined as representative, shows that the dream is present in the artistic consciousness of the Northern peoples in a variety of manifestations: from mythological representations and heroes to everyday, related to the needs of real life, affairs and aspirations, and this is characteristic of both – the epic and the lyric texts. The conducted study suggests the conclusions that the dream as one of the manifestations of the individual and collective worldviews of the Khanty and Mansi peoples is evidence of their trust in metaphor, a propensity to metaphorical thinking, which, in its turn, is an indicator of the significant potential and richness of the aesthetic and artistic consciousness of these peoples.

Key words: dream, axiological aspect, value, Ob-Ugric literature, spiritual aspect, artistic consciousness, mythological consciousness, metaphor

CITATION: Semenov A.N. Axiology of dreams in Ob-Ugric literature. *Literature at School*. 2020. No. 4. Pp. 33–42. (In Russ.). DOI: 10.31862/0130-3414-2020-4-33-42

История развития человеческой цивилизации – это история развития представлений о ее ценностях, являющихся одной из причин, продлевающих жизнь этой цивилиза-

ции. Последнее отметил в свое время английский философ А.Н. Уайтхед: «Тот Мир, который увеличивает продолжительность существования, является Миром Ценности. Ценность

по самой своей природе вневременна и бессмертна. Ее сущность не коренится ни в каких преходящих обстоятельствах» [6, с. 560].

Утверждение, согласно которому содержательное наполнение и понимание ценностей человеческой цивилизации «не коренится ни в каких преходящих обстоятельствах», справедливо, однако справедливо и то, что эта сущность постоянно подвергается трансформации, искажениям, инфляционному давлению. И последнее замечено тем же Уайтхедом: «Сейчас философия должна выполнить свою главную функцию. Она обязана искать мировоззрение, способное спасти от гибели людей, для которых дороги ценности, выходящие за рамки удовлетворения животных потребностей» [Там же, с. 306].

Получается, что «поиски мировоззрения» – это формирование, наличие, сохранение идеалов, принципов, норм, императивов, которые составляют природу, характер, способности и состав того, что мы понимаем в качестве жизненной позиции, ориентации в сообществе, мотиваций деятельности как отдельного индивида, так и нации, народности, человечества в целом. Однако едва ли не важнее в данном случае оказываются не столько формирование, наличие, сохранение, сколько принятая аксиология, т.е. ценностный взгляд на идеалы, принципы, нормы, императивы, исповедуемые по линии количественного возрастания от отдельного человека до человечества как такового. С этой точки зрения аксиологический подход в понимании философии жизни человека есть номинирование философской доктрины ценностей. Такую трактовку философии можно считать одной из самых древ-

них, изначальных, в ее основе лежит толкование, данное еще Аристотелем в рассуждениях «О мудрости и добродетелях». Определяя философию синонимом *мудрость*, мыслитель IV века до нашей эры утверждал, что «мудрость – это самая точная из наук... Мудрость, следовательно, будет умом и наукой, словно бы заглавной наукой о том, что всего ценнее» [2, с. 178]. В утверждении Аристотеля самой важной является мысль о философии как синтезе ума и науки, который, собственно, и делает ее заглавной «наукой о том, что всего ценнее». И, как следствие, философия жизни человека есть неизменное оценивающее, ценностное отношение и к окружающему миру, и к характеру своей деятельности в нем с той целью, чтобы обеспечить гармоничное пребывание в этом мире.

Последнее также подмечено еще античными мыслителями и не только подмечено, но и определено в качестве двух аспектов аксиологии как мировидения. Первый представлен в размышлениях Протагора, которому принадлежит знаменитая фраза «Человек есть мера всех вещей», т.е. над миром властвует только человек, и у него нет никакого другого критерия истинности своего знания о мире, о его ценностях, кроме себя самого. Определение второго аспекта принадлежит Платону, утверждавшему подчиненность человека ценностям, находящимся в мире, который он номинировал как *эйдос*. По его модели, *эйдос* – это мир субстанциональной идеи. Все ценности в этом мире уже сформулированы, и существуют они в форме, в качестве идеалов, а последний, по Платону, всегда «выше человека». Об одном из таких

идеалов, который можно номинировать как истину, от Платона остался афоризм: «Нельзя ценить человека больше, чем истину».

Платоновская идея имеет право на существование, однако с учетом того, что ценностное мировидение не может существовать только в виде некоего комплекса императивов, без подчинения этого ценностного мировидения жизненным условиям, потребностям человека. Поэтому основа определения ценности того или иного качества, явления, процесса – не проистекающее от чистой идеи, а вызванное к жизни ее потребностями.

Немецкий философ В. Виндельбанд утверждал, что главное назначение философии как таковой – быть наукой – определяется ее заботой «о необходимых и общезначимых определениях ценностей» [3, с. 39]. Такая точка зрения позволяет видеть в аксиологии основное звено, главную составляющую часть философии. Развитие данного тезиса применительно к культуре находим у Г. Риккерта, который утверждал, что «во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления или созданы, или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком» [5, с. 69]. «В объектах культуры, – замечает ученый, – ...заложены (haften) ценности. Мы назовем их благами (Guter), чтобы таким образом отличить их как ценные части действительности...» [Там же, с. 70].

Мы с уверенностью можем утверждать, что каждое явление культуры, в нашем случае – прежде всего словесной, проистекает из основополагающих ценностей, принятых

конкретной цивилизацией, государством, нацией, народом, народностью. От конкретно проявляющегося отношения (сохранение или разрушение, развитие или стагнация) к этим основополагающим ценностям зависит устойчивость и цивилизации, и народа, и ощущение гармонии/дисгармонии существования человека в конкретном пространстве и времени, что, в конечном счете, и определяет качество жизни. Более того, по А. Эйнштейну, «важнейшее из человеческих усилий – стремление к нравственности. От него зависит наша внутренняя устойчивость и само наше существование. Только нравственность в наших поступках придает красоту и достоинство нашей жизни» [8].

Именно наше время сделало особенно актуальным прежде всего нравственный, духовный аспект аксиологии, тот самый, который выходит «за рамки удовлетворения животных потребностей» [6, с. 561]. Более того, возьмем на себя смелость утверждать, что подлинное, истинное видение мира есть видение творческое. Творчество не может не быть ориентированным на жизнь, если в его целях отсутствует стремление разрушить целостность народного видения, понимания мира, целостность народного мирозерцания. При всем том, что можно говорить о некоем общечеловеческом понимании ценностей жизни, культура каждого народа имеет свой, основанный на первоисточках его психологии, культуры, нравственности набор ценностей, которые определяют специфику поведения, отношения как внутри своей национальной среды, так и с представителями других национальных объединений, сообществ.

Одна из наиболее последовательных особенностей, вызывающих исследовательский интерес, а также уважение коллективного мировоззрения обских угров, отразившаяся в их словесном творчестве, это – доверие мечте. Суровые условия жизни, длительные периоды социального принуждения и ломки традиционного жизненного уклада, казалось, должны были разрушить это доверие, сделать народное мировоззрение более скептическим, не доверяющим мечте. Однако этого не произошло.

Сказалось умение видеть светлые начала жизни, умение доверять мечте, как это делает героиня автобиографической повести Матрёны Вахрушевой «На берегу Малой Юконды», неизменно отмечающая, что ее жизнь «полна событиями, в которых столько светлого вдохновения, бурей налетающих мечтаний, и эти мечтания, ты, юность моя, одевала в цветные одежды и придумывала такое, отчего по ночам часто мне не спалось» [4, т. I, с. 35]. Ценность мечты сказывается и в том, что в сочетании с юностью жизнь обретает многоцветие, одевается «в цветные одежды». Трудности жизни убеждают героиню в необходимости стремления к осуществлению мечтаний, поэтому «давняя мечта» – путевка в Ленинградский государственный университет – окрыляет ее «светлыми надеждами» [Там же]. В данном случае синонимом мечты выступает надежда, т.е. осуществление одной мечты рождает новые, и в этом еще одна непреходящая ценность способности человека мечтать.

Главный смысл того, что рассказала М. Вахрушева о способности мечтать, заключается в том, что из мечтаний каждого отдельного человека

складывается мечта народа, его песня жизни, и в ней, благодаря мечте, со временем начинают звучать новые голоса, которые «слились с напевом родных мансийских песен и вошли в жизнь моего народа, как мечта сказки о свершившемся счастье» [4, т. I, с. 41]. И одно из самых ценных признаний, в котором заложена философия уже не просто отдельного человека, а всего народа: «Как время в своем полете не имеет границ, так же безгранична и мечта человека в его стремлении к счастью. И в этом бесконечном движении к счастью мой маленький мансийский народ видит свой завтрашний день не только на земле, но и за ее пределами, в мире звезд и небесных планет» [Там же].

Способность мечтать, в конечном счете, выступает в качестве гарантии жизни народа, его развития, достижения самых больших и возвышенных целей. Герои обско-угорской литературы постоянно мечтают, и чаще всего о том, как выучатся, получат специальность в каком-нибудь столичном городе, как будут работать для себя и своего народа. И ценность человека определяется этими героями по его способности мечтать. Поэтому для составляющей родословную героини рассказа Светланы Динисламовой «Мы есть...» ее дело стало «частью жизни, высоким долгом перед светлой памятью матери и отца и всех родственников, кто жил на земле, трудился, мечтал, любил, растил детей, радовался, горевал» [Там же]. Принципиально важно, что героине особенно дороги ее мать и отец, другие родственники, потому что они (наряду с тем, что трудились, радовались, горевали) обладали способностью мечтать. Героиня рассказа

Еремея Айпина «Лебединая песня», размышляя о возможных помехах «ее мечтам», отдает себе отчет в том, что однозначного ответа на этот вопрос нет: «Так и жила бы весь век в этой прокопченной таежной заимке с ее лебединой музыкой и запахами осени... Ей показалось, что так и будет. Что может помешать ее мечтам?!» [1, с. 51]. Замечание о том, что «ей показалось», является в данном случае знаковым, однако сомнения не останавливают готовности мечтать.

Лирическому герою Владислава Молданова хорошо известна не только способность, но и настоятельная потребность мечтать:

Как хочется осеннею порою
В копну душистую упасть,
Смотреть на небо голубое,
И думать, думать и мечтать!
Мечтать о счастье, что вьется птицей...

[Там же, т. II, с. 318]

Героиня повести Татьяны Молдановой «Касания цивилизации», не зная своего отца, «постоянно пыталась представить себе его, грезила о нем и видела в снах сказочного, белокурого богатыря. Охраняемая от людских пересудов мощным крылом бабушки, она могла мечтать сколько угодно. В грезах прошло несколько лет, образ отца преследовал девочку» [Там же, с. 352]. У героя Романа Ругина из рассказа «Ланги» мечта самая что ни на есть земная, практическая: «Давно мечтал о чистопородной лайке, с которой можно будет зоревать весной и осенью, надолго уходить в тайгу. Без хорошего пса что за охота? Блуждание в потемках!» [Там же, с. 452]. Земные, практические мечты являются важнейшим составляющим элементом жизни, быта народа. В том же расска-

зе герои помнят то время «послевоенное, трудное», когда «о лодочных моторах тогда еще и мечтать не смели» [Там же, с. 457]. Поэтому для них оказывается принципиально важным тот факт, что мечты стали реальностью. Как и для лирического героя Микуля Шульгина (стихотворение «Обь»), который замечает то, как перелетные птицы перестают узнавать родные места, в которых нашла воплощение мечта человека:

... И галдят перелетные птицы –
Не узнать им родные места.
В стройки Века смогла воплотиться
Человечья большая мечта...

[Там же, с. 718]

Герой «Рассказа о себе» Михаила Казанцева хорошо помнит, как вместе с друзьями мечтал окончить семилетку, поступить в педагогическое училище в Ханты-Мансийске и продолжить дружить, как потом у него появилась «другая заветная мечта, я буду не учителем, а прокурором» [4, т. I, с. 99]. О возвращении в родной поселок, о жизни молодых специалистов после учебы мечтают герои повести Ольги Кашмановой «Лесбег». А когда после долгого совещания мальчишки решили поймать Лесбега, «они понимали, что, может быть, это и мечта. Но если ОН здесь, почему бы и не попытаться? ... «Мечтам мальчишек не было предела» [Там же, с. 150]. Естественно, что мечты героев в литературе обских угров часто связаны с оленями, как, например, у героя рассказа Романа Ругина «В ожидании сына» [4, т. II, с. 557].

О земной красоте мечтает героиня повести Татьяны Молдановой «Средний мир» Анны из Маланга», которая «мечтала в новом узорчатом сахе показаться». Однако ценность мечты

для нее не в том, чтобы только покрываться в новом наряде. Последний был наглядным свидетельством того, что «не потеряли ее глаза зоркость, а руки – ловкость» [4, т. II, с. 367]. Ей доступна мечта и об ином, возвышенном, выходящем за рамки реального мира: «Летит девушка над лесом, песню поет. И льются из памяти легенды о прошлом края, зримо поднимаются из небытия сильные и ловкие богатыри, что жили на первозданной земле. И тянется душа Анны в то далекое время, мечтает она вровень с богатырями стать» [Там же, с. 375].

Принципиально важно при этом, что основой, истоком мечтаний героев являются «легенды о прошлом края», героическое прошлое народа. Ценность мечты выступает при этом как форма, возможность сохранения народной памяти. Стремление к такому сохранению может выступать, казалось бы, совершенно неожиданным образом. В повести Оксаны Динисламовой «Диалог поколений: мама с дочкой», написанной в соавторстве со Светланой Динисламовой, встречается такое признание: «Чум. Жаль, никогда не жила в чуме, а ведь мечтала. В юности, глядя на оленеводов, восторгаясь их выносливостью, жизнелюбием и даже их здоровьем, думала, что как мама в молодости буду каслать по Уралу. Четко видела обстановку своего чума, мужа-оленевода, кучу краснощеких веселых детишек» [4, т. I, с. 81]. Перед нами не просто детско-юношеская мечта жить в чуме, а моделирование своего будущего с касланиями, уютной обстановкой родного чума, мужем-оленеводом и обязательно кучей веселых и здоровых детей. Настоящее, имеющее глубокие народные корни

представление о счастливой жизни. Способность мечтать понимается как нечто тождественное неземной, небесной силе человека. Лирический герой Романа Ругина в «Балладе об орле» восстанавливает в памяти то, как именно мечта в детстве открывала возможность робкой душе ощутить в себе небесную силу:

Мальчишеской порой, в далекие года
Увижу, как летит орел ширококрылый, –
И робкая душа становится тверда,
Исполнившись в мечтах
его небесной силы...
[4, т. II, с. 442]

Сознание лирического героя поэзии Матвея Новьихова не признает мечты, оторванные от того, о чем мечтает его народ, его страна. Для этого сознания правильно жить – это мечтать, и мечтания твои не могут быть исключительно индивидуальными, замкнутыми от окружающего тебя мира:

...Если думать о стране родной,
жить ее заботой и мечтой,
укреплять ее и украшать,
ей навек всего себя отдать,
будет жизнь твоя ясна, красна,
чистокровной радостью полна.
И в глазах народа ты прочтешь:
«Человеком – правильно живешь».
[Там же, с. 409]

С другой стороны, представление о ценности мечты невозможно без диалектического понимания: чем ценнее способность мечтать, тем трагичнее оказаться обманутым мечтой. В той же балладе Романа Ругина память лирического героя сохранила картину, в которой орел с простреленным крылом сидел на земле, привязанный веревкой к колу, но не смог долго выдержать такого унижения:

...С ночью темнотой, обманутый мечтой,
Он ткнулся головой в дорожные камни...

[4, т. II, с. 443]

И если у Романа Ругина обманут мечтой увиденный в свое время лирическим героем один орел, то в поэме Ювана Шесталова «Клич журавля» таким обманутым мечтой оказывается целое поколение:

...Светлое Завтра
Строить мечтали,
А получили
Бурю в лицо.
Поисчезали
Светлые дали,
Мы потеряли
Лучших бойцов...

[7, с. 469]

Способностью мечтать наделены в художественном сознании обских угров и те герои, те силы, которые можно определить как отрицательные. В сказке «Ведьма и сказочница» Зинаиды Лонгортовой (Хартагановой) о том, как «жили в одном чуме две женщины», есть характеристика одной из них: «Порнэ – злая, завистливая женщина. Все мечтает извести молчаливую, трудолюбивую Моцнэ» [4, т. II, с. 286]. А ведьма из этой же сказки раздосадована тем, что «не досталось ей приданого, о котором она мечтала» [Там же, с. 291].

Отмеченная особенность свидетельствует о понимании способности мечтать как универсального качества мира, который в представлении ханты и манси является живым, культурным. Поэтому главная ценность такой способности почитается в художественной культуре обских угров как одна из главных характеристик не только человека, его ценности, но и мифологических, сказочных, метафорических персонажей. Поэто-

му и ценность самого человека определяется тем, способен ли он мечтать, освещает или освещала ли когда-либо его сознание мечта. В стихотворении Матвея Новьехова «Глаза» отсутствие такой способности, такого освещения является свидетельством пустоты души:

В иных глазах такая пустота,
что кажется, ни мысль, ни мечта,
ни радости, ни светлые печали
их никогда собой не освещали...

[Там же, с. 375]

На вопрос лирического героя, обращенный к глазам, почему бы им не быть прозрачными, в стихотворении Р. Ругина с таким же названием, как у М. Новьехова, последние «признаются» в своей мечте:

...Освободясь, как реки, ото льда,
Под голубеющими небесами,
О, быть бы нам прозрачными всегда!
Об этом, брат, мечтаем мы и сами...

[Там же, с. 446]

Процитированные выше строки являются одним из наиболее выразительных свидетельств того, как художественное сознание ханты с необычайной доверчивостью относится к метафоре: глаза, мечтающие о том, чтобы быть «прозрачными всегда». Мечта эта вызвана знанием того, что в глазах может быть «обманчивым тепло», а их глубина «подчас бывает ложной», в них встречаются

...и чернота, и страх, и муки,
Гниль и темень илистого дна,
Налимья скользкость,
жадность хищной щуки...

[Там же]

Для народов ханты и манси в вопросе о мечте слились воедино и эстетика, и философия жизни.

Вот почему так настойчиво задавал свои вопросы Юван Шесталов, к примеру, в повести «Тайна Сорни-Най»: «Сорни – по-мансийски “золото”. Най – “героиня”. Сорни-най – “Золотая героиня”. Может, просто придумали легенду о прекрасной женщине? Не мечта ли это о красоте и доброте? Но тогда почему манси веками так ревностно охраняли ее от постороннего взгляда?» [4, т. I, с. 486].

Перед нами – выразительный пример доверия метафоре, рожденной мифологическим сознанием народа, метафоре как возможному воплощению его мечты о «красоте и добре». Ревностное сохранение и охранение на протяжении веков есть доказательство того, как доверчиво относится народ к им же созданной метафоре. А доверие метафоре в сознании целого народа – это показатель богатства его художественного сознания. Основания для такого утверждения заключаются в том, что способность мыслить метафорами есть свидетельство того, что сознание (и в первую очередь художественное) предполагает осознание органичного синтеза глубокомысленности и красоты слова, богатства идеи и изящества ее воплощения.

Однако, с другой стороны, такое доверие есть показатель того, что одной из главных, определяющих ценностей для художественного сознания народа является мир мечты, то есть мир, в котором властвует

метафора. Это мир органичного сочетания реального и рожденного воображением, уже имеющегося и того, что необходимо, достигнутого и того, что существует как необходимое для достижения. Прочитанные произведения обско-угорской литературы являются наглядным свидетельством, иллюстрацией того, что такое мечта-метафора в сознании народа.

Мечта как ценность является фокусированием, собиранием в некое единое целое всего многообразия субъективных ее пониманий каждым отдельным индивидом. Однако определяющие такое понимание интенции (начальные условия) создают некое характерное для всего народного сознания представление о ценности, необходимости мечты. Жизнь народов ханты и манси в определенной степени в изолированном друг от друга положении (родовые угодья, стойбища) не помешала формированию коллективного народного представления о том, в чем ценность способности мечтать, не привела к тому, что можно определить как хаотичность понимания этой духовной категории. Коллективное представление о мечте, о чем свидетельствует литературное творчество обских угров, никак не отвергает режим функционирования субъективного понимания мечты в жизни человека, определяемый многообразием инвариантов самой человеческой жизни.

Библиографический список

1. Айпин Е.Д. Клятвopеступник. Избранное: Роман и рассказы. М., 1993.
2. Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1984.
3. Виндельбанд В. Избранное. М., 1995.
4. Литературное наследие обских угров: В 2 т. Ижевск, 2016.
5. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век: антология / сост. С.Я. Левит. М., 1995. С. 69–101.
6. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990.

7. Шесталов Ю.Н. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. Стихотворения и поэмы. СПб.; Ханты-Мансийск, 1997.
8. Эйнштейн А. 22 цитаты Эйнштейна о Боге, религии, нравственности, морали. URL: <https://fenix911.livejournal.com/7736.html> (дата обращения: 28.04.2020).

References

1. Ajpin E.D. Klyatvoprestupnik. Izbrannoe: Roman i rasskazy [Oathbreaker. Selected: Novel and short stories]. Moscow, 1993. (In Russ.)
2. Aristotle. Sochineniya [Works]: In 4 vols. Vol. 4. Moscow, 1984. (In Russ.)
3. Windelband W. Izbrannoe [Selected works]. Moscow, 1995. (In Russ.)
4. Literaturnoe nasledie obskikh ugrov [Literary heritage of the Ob Ugrians]: In 2 vols. Izhevsk, 2016. (In Russ.)
5. Rickert H. Natural sciences and cultural sciences. *Kul'turologiya XX vek: antologiya*. S.Yu. Levit (ed.). Moscow, 1995. Pp. 69–101. (In Russ.)
6. Whitehead A.N. Izbrannye raboty po filosofii [Selected works on philosophy]. Moscow, 1990. (In Russ.)
7. Shestalov Yu.N. Sobranniye sochineniy [Collected Works]: In 5 vols. Vol. 2. Stihotvoreniya i poemy. St. Petersburg; Hanty-Mansijsk, 1997. (In Russ.)
8. Einstein A. 22 quotes from Einstein about God, religion, ethics, morality. URL: <https://fenix911.livejournal.com/7736.html> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.05.2020, принята к публикации 25.06.2020
The article was received on 15.05.2020, accepted for publication 25.06.2020

Сведения об авторе / About the author

Семенов Александр Николаевич – доктор педагогических наук, профессор; заведующий Отделом обско-угорских литератур, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск

Alexander N. Semenov – ScD in Education, Full Professor; Head of Ob-Ugric Literature Department, Ob-Ugric Institute for Applied Research and Projects, Khanty-Mansiysk

E-mail: alin52@list.ru